ВАШИНГТОН
WASHINGTON IRVING

ИРВИНГ

Легенда Сонной Лощины

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОКИДЫШЕВЪ И СЫНОВЬЯ

Легенда Сонной Лощины

Вашингтон Ирвинг

Аннотация
Вашингтон Ирвинг. Легенда сонной лощины
1
2
3
4
5
6
7

Аннотация

В уединенной деревушке Сонная Лощина, месте, овеянном легендами и мифами, местные жители обожали рассказы про всякое потустороннее. Особой любовью пользовалась история про всадника без головы. Увлекательная повесть Вашингтона Ирвинга перенесет вас в это завораживающе атмосферное место, где грань между реальностью и вымыслом размыта, а сверхъестественное всегда рядом.

Вашингтон Ирвинг
Легенда сонной лощины

© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

1

Когда добрые люди из Сонной Лощины, бывало, вместе грелись у костра темными ветреными ночами, разговор у них нередко заходил о таинственном всаднике, которого видели они на ближних дорогах.

— Это тот кавалерист, который лишился головы на революционной войне, — говорил один. — Пушечным ядром снесло.

— Это призрак, владыка всех злых духов здешних мест, — возражал другой.

Точно не знал никто. Но темной ночью фермерам случалось видеть летучее видение — огромный и страшный всадник несся на могучем скакуне. То был Всадник без головы!

— Тело его погребли на кладбище, — говорил некто, считавший себя в таких делах большим знатоком. И по ночам он скачет к роковому полю боя, ищет там свою голову. Вот под утро и видно, как он несется по лощине во весь опор: ему надо до рассвета поспеть обратно в могилу. Внимательней других слушал эти рассказы о призраке Икабод Крейн. Он был школьный учитель и

полагал, что самому ему тоже кое-что известно насчет призраков.

Икабод был высокий, тощий молодой человек с длинными руками и ногами, которые смешно торчали у него из рукавов и из брюк. Маленькая головка лезла из воротника на тоненькой шее. У него были огромные уши и длинный острый нос, благодаря которому он напоминал тех петушков, которые сидят на коньках крыш и поворачиваются вместе с ветром, нам предсказывая погоду. Правда, кое-кто считал, что он очень сильно смахивает на огородное пугало.

Однако пора вам объяснить, что Сонная Лощина одно из самых спокойных, мирных мест на всем белом свете. Долина эта примостилась на берегу реки Гудзон так тихо, что кажется, будто она спит. Одни говорят, будто немец — доктор, искусный в волшебстве, заколдовал её когда-то давным-давно. Другие уверяют, что индийский шаман её опутал чарами задолго до того, как Генри Гудзон поднялся по реке и дал ей свое имя.

— Это зачарованное место, — шепнул однажды ночью Икабоду один старый фермер. — В небе полно метеоров и паду чих звезд. Вот по ночам вас и мучают кошмары.

Днем же Икабоду некогда было думать про

призраков и духов. Он был ужасно занят делами своей школы, помещавшейся в одной-единственной комнате. Если пройти мимо школы в теплый тихий день, можно было услышать жужжанье детских голосов, затверживающих урок. Но можно было различить и свист розги, воспитывавшей нерадивого ученика.

Но Икабод вовсе не любил наказывать своих подопечных. Если это был слабенький ребенок, который плакал при одном виде розги, Икабод ограничивался предупреждением. Если же наказывать приходилось здоровенного детину, Икабод приговаривал, что порка ему «пойдет в прок».

Он любил своих учеников. Когда не было уроков, он охотно принимал участие в играх старших мальчиков. А младших он даже нередко провожал домой, а особенно тех, у кого была хорошенькая старшая сестричка или мама славно умела стряпать. Он старался поддерживать добрые отношения с семействами учеников. А что ему оставалось делать? Жалование у него было очень маленькое, аппетит же очень большой.

— Что на обед? — часто с порога спрашивал Икабод.

Хоть и тощий, он заглатывал еду, как змея ана-

конда. В счет жалованья он жил и столовался в домах тех фермеров, чьи дети ходили в школу. Поживет с недельку в одном доме и переезжает в другой. Так и переходил весь год из дома в дом, все свои пожитки умещая в носовом платке. Фермеры в те времена порой полагали, что ученье слишком дорогое удовольствие, а школьные учителя — ленивые трутни. Чтобы облегчить их ношу, Икабод, как мог, им помогал по хозяйству. Ворошил вместе с ними сено. Предлагал свое содействие, когда чинили забор. Водил коней на водопой, выгонял коров на пастбище, рубил дрова для зимнего очага.

— Позвольте, я пригляжу за этими милыми крохами, — говорил он матерям.

И часами просиживал, держа одно дитя на коленях, а другое укачивая в люльке с помощью длинной своей ноги. Одним из величайших удовольствий Икабода было, сидя у огня долгими зимними вечерами, слушать рассказы фермерских жен о привидениях и домовых. Они рассказывали, а сами пряли шерсть или пекли яблоки в печке.

— Вон то поле — оно заколдованное, — говорила одна.

— А под тем вон мостом домовой живет, — вто-

рила ей другая. Один раз своими глазами его видала.

Икабоду тоже было что порассказать. Он читывал книги о колдовстве, умел преподнести истории о привидениях, о знамениях, о странных знаках, какие можно увидеть в ночи. И он им рассказывал о кометах, об опасных падучих звездах. Порой он пугал невежественных фермеров, сообщая им, что земля круглая и что, сами того не зная, они половину своего времени проводят вверх тормашками!

Приятно было, посиживая у очага, рассказывать разные истории. Потрескивал огонь, вся комната озарялась. И, разумеется, никакой призрак не смел сюда сунуть свой нос.

Но идти домой в темноте было совсем другое дело. Тут уж все призраки толпой окружали оробелого учителя. Зимними вечерами страшные тени повсюду прятались вдоль дороги. Он поглядывал назад, на озаренные окна, и жалел, что вообще вылез наружу.

— Ах, не тронь меня! — молил он.

Но впереди оказывался всего лишь куст, покрытый снегом, вовсе не домовой.

— О боже, что это? — шептал он.

Но то был всего лишь скрип собственных его

шагов на снегу.

Он весь съеживался, он боялся даже оглянуться через плечо. Но был один призрак, которого Икабод боялся больше, чем всех других. То был таинственный всадник, о котором часто поминали фермерские жены.

Порой поздней ночью, проходя темным лугом, Икабод слышал громкий шорох, гул, шелест в деревьях.

— Это просто ветер, — успокаивал себя Икабод.

Однако не был вполне уверен, что это не он — Всадник без головы!

2

Мало того, что он занимался с детьми в школе, помогал по хозяйству людям, которые ему предоставляли еду и кров, Икабод был еще и учителем пения. Немало блестящих монет заработал он тем, что учил молодых людей распевать гимны.

По воскресеньям он с гордостью вставал в храме впереди всех и дирижировал своим хором отборных исполнителей.

— По-моему, — говорил он потом знакомым, наши гимны сегодня сильно украсили службу. Не правда ли?

Конечно, его голос перекрывал все остальные. Он разносился на целую милю, и вы даже могли услышать его, гуляя по другому берегу озера. Говорят, что и до сих пор тихим воскресным утром возле церкви можно услышать эхо звонкого голоса Икабода.

Человек образованный, Икабод имел тонкий вкус и знания, намного превосходившие те сведения о жизни, какими могли похвастаться грубые сельские жители. И конечно, он нравился всем девушкам и женщинам в округе. Куда бы он

ни зашел в гости, ему подавали самые вкусные булочки, а то и ставили на стол серебряный кофейник.

Икабод же вовсю старался оправдать это доброе мнение дам. Он с ними беседовал после воскресной службы. Он срывал для них виноградные гроздья с диких кустов. Он им пересказывал все изречения, начертанные на надгробных плитах местного кладбища.

— Под камнем сим лежит жена моя, — декламировал он. Покой дарован ей. Его вкусил и я.

И дамы дружно прыскали.

Он хаживал с ними вместе к мельнице у пруда, а робкие деревенские увальни плелись сзади. Они были пугливы, как овцы, и завидовали умению Икабода обращаться с дамами.

Дамы считали Икабода человеком большой учености. Он читал им отрывки из «Истории нового ведовства». Ведьмы и волшебство были предметы, в которые сам он глубоко верил. Однако при всей своей начитанности Икабод обожал страшные рассказы у камина. Пожив в Сонной Лощине, он еще больше пристрастился к историям о домовых и привидениях. Чем несуразней, чем нелепей была история, тем с большим аппетитом он её заглатывал.

Часто после конца уроков лежал он в высокой траве подле рокочущего ручья и часам читал про ведьм, домовых и призраков. Бывало, уже темнело, когда он отправлялся домой. Каждый звук будоражил его воображение. Крикнет ли козодой в горах, квакнет ли жаба, ухнет ли филин, а то и просто скрипнет сучок, прошелестит крыльями птица — а уж у него волосы встают дыбом.

Его пугали светляки. Жук падал на него в темноте, а уж он бежал что было мочи, уверенный, что к нему прикоснулась ведьма. Единственное спасение тут были гимны, и он громко их распевал в надежде прогнать злых духов или хотя бы заглушить те звуки, какие они издавали.

— Видно, Икабод Крейн идет, — говорил фермер жене, сидя дома поздно вечером. — Опять горланит на всю округу.

Но все эти страхи и ужасы, допекавшие Икабода, были собственным его измышлением. Каких бы ни видел он призраков, как бы ни гонялся за ним дьявол в разных обличиях, наступал ясный день — и все это таяло. И, в общем, жизнь у Икабода была безбедная и приятная. Покуда однажды на жизненном пути не встретилось ему существо, более опасное для мужчины, чем все домовые и ведьмы вместе взятые, а именно — женщина.

3

— Мисс Ван Тассел, — сказал однажды вечером Икабод Крейн, — сегодня голос ваш звучит просто чудесно. Вы делаете большие успехи.

Он как раз заканчивал еженедельный урок пения, который давал группе лиц. Катрина Ван Тассел, получив комплимент, глянула на него из-под ресниц.

— Благодарю вас, мастер Крейн, — сказала она, — вы так любезны.

И она его одарила щедрой улыбкой, на которую он тотчас ответил.

— Пожалуйста, передайте мой самый теплый привет вашему батюшке и вашей матушке, — сказал Икабод, когда она собралась домой.

— Непременно, ответила она. — Я уверена, они будут рады вас видеть как-нибудь у нас дома.

Кадык учителя заходил ходуном. Он залился краской. И смотрел, смотрел на дорогу, когда Катарина давно уже скрылась из виду, и рисовал её перед своим мысленным взором.

— Катарина, — тихо вздохнул он.

Катарина Ван Тассел была единственной доче-

рью в семье голландцев, самых богатых фермеров в здешнем краю. Она была вся воздушная, как самый нежный крем, вся розовая, как самый спелый персик в саду у её отца. Она славилась своей красотой, а также богатством родителей, которое суждено было ей некогда унаследовать. Конечно, не все на нее смотрели сквозь те розовые очки, сквозь которые видел её Икабод.

— Эта девчонка? — так выразилась о ней жена одного фермера. — Ах, маленькая кокетка! Так любить себя! Ты только взгляни, как она одевается!

Катарина и в самом деле любила увешивать себя драгоценностями, какие привезла из Европы её прабабушка. Юбки она носила по тем временам неприлично короткие, чтобы получше были видны изящнейшие щиколотки во всей округе.

Икабод вообще был отзывчив на женскую красоту, и нет ничего удивительного, что ему понравилась такая прелестная девушка, как Катарина. И особенно, когда он узнал, как богаты её родители.

— Заходите, учитель, — прогудел Балтус Ван Тассел, когда Икабод нанес им визит. — Катарина столько о вас рассказывает.

И отец Катарины от души ударил Икабода по

плечу.

— П-п-правда? — еле выговорил Икаборд — О да, ведь она моя самая талантливая ученица. Голос — как у соловья, нет, правда.

— Она только о вас и говорит, — заверил его Ван Тассел. — В жизни своей, говорит, не встречала такого изящного молодого человека.

— Ну, вот уж не знаю, не знаю. — И, весьма довольный собой, Икабод оглядывал свои огромные ноги.

Едва ему представилась такая возможность, он осмотрел и ферму Ван Тасселов, расположенную в чудном месте на берегу Гудзона. Амбар был размером с церковь и полон доверху сеном и зерном. И упитанные голуби ворковали на крыше. Жирные поросята нежились у себя в закутах или выходили погулять. Белоснежные гуси вместе с выводком утят лениво плавали в пруду. Несколько жирных индеек расхаживали по двору так важно, будто они тут хозяева. И наконец по двору прошелся могучий петух. Он похлопал крыльями и закукарекал, всячески выражая свою гордость и радость. А потом стал рыться в земле, что-то выискивая для своего семейства.

— Какая у вас великолепная ферма, — сказал Икабод отцу Катарины. И животные восхити-

тельны. Так хороши собой, так упитанны!

Честно говоря, у Икабода текли слюнки. Он видел вокруг не животных, а еду бекон, ветчину, сосиски, яичницу. Глядя на пруд, он видел жареную утку, сочного гуся с подливкой. Глядя на поросят, он представлял себе, как они, запеченные с яблоками, тают у него во рту. Он видел, как вынимают из печи рождественскую индейку с начинкой. И даже молодца-петуха он видел общипанным, жареным и ждущим, когда его подадут на стол.

— А вы, однако, знаете толк в живности — сказал ему довольный Балтус Ван Тассел. — Однако нам пора идти в дом. Жена мечтает с вами познакомиться.

Все в доме говорило Икабоду о достатке. Снаружи была конская упряжь, неводы и сети, чтоб выбирать рыбу из реки. Шерсть в огромных мешках ждала, когда ее превратят в пряжу. А внутри по стенам висели гирлянды сушеных яблок, персиков и перцев.

— А это наша лучшая гостиная, — сказала миссис Ван Тассел, с гордостью показывая дом учителю.

Полированный стол сиял, как зеркало. Она даже открыла шкафчик в углу, чтобы Икабод мог

полюбоваться старинным серебром.

После столь приятного визита Икабод пешком возвращался домой, думая о том, что когда-нибудь эти луга, эти сады, эти поля будут принадлежать ему.

«Кто его знает? — говорил он сам себе. — А можно будет кое-что и продать и купить большой участок земли на Западе. Говорят, в наше время быстро сколачиваются громадные состояния».

Да, он прямо-таки все это уже видел. Вот они с прелестной Катариной отправляются в карете в Теннеси, Кентукда мало ли куда… Ему воображался даже и целый выводок собственных наследников.

Но одно дело воображать счастливую судьбу с прелестной богатой девушкой, а совсем другое — наяву победить её сердце.

4

Икабод читывал о рыцарях старинных времен, которые отправлялись в поход на защиту своих дам. Им случалось побивать великанов и драконов, одолевать волшебников. Им приходилось взбираться на каменные стены, пробираться сквозь железные ограды, дабы проникНуть в мрачные застенки, где томились бедные красавицы.

— Моя задача потрудней, — говорил себе учитель. — Мне надо покорить сердце прекрасной Катарины. А она такая капризная, такая переменчивая. И никогда не знаешь, говорит она серьезно или шутит надо мной.

Но и это еще не все. Как и у рыцарей древности, были у Икабода враги. И не драконы, не великаны, а настоящие соперники из плоти и крови. Не один юный фермер полагал, что именно ему суждено жениться на Катарине. Они ревновали её друг к другу, а уж к этому чужаку, Икабоду Крейну, и подавно. Икабод знал, что они все сплотятся против него, едва он станет добиваться своей возлюбленной.

— Я всегда готов к бою! — кричал самый опасный из этих соперников.

Звали его Абраам Ван Брунт, но друзья упростили это имя, и теперь его звали покороче: Бром или Бром Бонс.

Вся округа знала Брома крепкого, сильного молодца с кудрявой головой и красивой физиономией. Он был смелый человек и веселый притом.

— Вы бы посмотрели, как он скачет на коне, — шептали Икабоду знакомые. — И если он что скажет — так тому и быть. И лучше не лезть к нему с лишними вопросами.

Бром Бонс был малый неотесанный, но не злой. Они с дружками любили подшутить над ближним и часто бродили по округе, выискивая удобный случай. И он всегда носил меховую шапочку с висячим лисьим хвостом.

— Ах, опять этот Бром Бонс идет со своей оравой, — говорила старушка, когда слышала вопли и крики, будившие её среди ночи.

Если случалась какая-то каверза, если затевалась драка, все знали, что тут дело не обошлось без Брома Бонса. И такой-то парень уже присмотрел себе девчонку. И была она не кто-нибудь, а прекрасная Катарина Ван Тассел.

Он не очень-то умел к себе расположить красавицу. Он окончательно терял красноречие, когда пытался с ней заговорить. И тем не менее, кажется, он все-таки ей нравился — иногда по крайней мере.

Никто из остальных обожателей Катарины даже не смел близко подойти, когда в гости к ней заглядывал Бром Бонс. Едва завидев у коновязи перед домом его коня, они скакали мимо. Все знали, что лучше с ним не связываться.

Икабод понимал, что глупо бросать вызов Брому. Но как учитель пения он обладал известными преимуществами. Естественно, он мог оказывать Катарине знаки внимания и ходить к ней в дом. Родители её радовались, что к ним наведывается учитель. Они баловали свою дочь и сквозь пальцы смотрели на то, что она нередко вечерком прогуливалась вокруг фермы с учителем.

Мы не можем знать, о чем беседовали эти двое во время таких прогулок. Но можем с уверенностью сказать, что Икабод пускал в ход всю свою ученость и обаяние, дабы завоевать сердце сей капризной особы. И ему казалось, вероятно, что дело у него идет на лад. И очень может статься, он даже возмечтал, что вот-вот женится на Катарине и унаследует её прелестную ферму.

Соседи стали замечать, что давно уж не видали коня Брома Бонса на коновязи у Ван Тасселева дома.

— Лучше этому Икаботу поостеречься — говорили они. — С Бромом Бонсом шутки плохи.

Но все знали, что рано или поздно Икабод Крейн и Бром Бонс встретятся таки на узкой дорожке.

— Да я этого учителя в бараний рог согну, — похвалялся Бром, — и положу на его же собственную книжную полку.

Однако Икабод отнюдь не хотел померяться с Бромом силой. Он явно избегал столкновений с более сильным и ловким противником. А Бром Бонс все старался вывести его из себя. Он с дружками, гикая, проносился верхом мимо тихого учительского дома. Они забивали дымоход, так что в классе невозможно было дышать во время урока пения. Они ночью врывались в школу и все там переворачивали вверх дном.

Икабод думал — уж не ведьмы ли справляли здесь свой шабаш? Бром вечно искал случая смутить учителя, когда рядом была Катарина. Раз где-то подобрал старого пса и обучил того особенному, дикому вою. И усаживал его у двери класса, когда шел урок пения, чтоб тот выводил свои несусветные рулады, едва заслышит голос

Икабода.

Так прошло лето. И настала ясная погожая осень. В один такой тихий осенний вечер Икабод сидел за столом у себя в школе. В ящике стола лежали у него все те запретные предметы, какие отобрал он у своих учеников, недогрызанные яблоки, хлопушки и много-много шариков из скомканной бумаги.

Ученики пыхтели над заданием. Недавно одного из них Икабод воспитывал розгой, так что поведение у всех было примерное. В классе царили мир и тишина. Но вот тишину нарушил некто, прискакавший на дикой, неистовой лошадке. Он с грохотом вломился в дверь.

— Мастер Крейн! — возгласил он. — Вы приглашены на вечер. Хозяева надеются, что вы окажете им честь своим благородным появлением, благороднейший сэр!

— Вечер? — спросил Икабод. — Но где?

— Вечер, весьма веселый вечер по праздничному поводу! — ответил пришедший в сознании собственного значения.

— Да, но кто? Кто меня приглашает? — опять спросил учитель.

— Как же! Благородный мастер Ван Тассел, был ответ. — Сегодня же. В его благородном доме. Что

ему сказать?

— Что я буду! — крикнул Икабод. — Буду непременно!

5

— Ну хорошо, дети, сказал учитель. — На сегодня достаточно. Теперь вы можете отправляться по домам. Бегом.

Дети переглядывались в изумлении. Никогда еще учитель слишком рано их не отпускал. Наоборот, обычно заставлял торчать в школе, покуда не покончат с нудными заданиями. Не то сегодня. Сегодня он их торопил: живей, живей, живей. Не дал даже убрать учебники. И когда они от радости поопрокидывали скамьи, он им ни слова не сказал. Мигом они выбежали из школы и понеслись по дорогам и лугам, готовые к шалостям и проказам.

Элегантный Икабод чистил и охорашивал самый лучший свой костюм — честно говоря, этот костюм был у него единственный. Полчаса провел он перед треснутым зеркалом, украшавшим стену школы, и прилизывал волосы, чтоб выглядеть еще прекрасней. Ибо он вообразил себя рыцарем в сверкающих доспехах и решил прибыть в дом Ван Тассела так, как подобает рыцарю.

— Мне надо на сегодня раздобыть коня — сказал он фермеру, у которого жил в то время. — И, разумеется, седло.

Старый желчный голландец Ханс Ван Риппер глянул на него прищурясь.

— Думаю, Порох вам подойдет, — зал он. Только вы с ним построже. Он такой норовистый. Прямо дьявол в нем сидит.

Икабод заверил фермера, что он опытный наездник, хоть на самом деле в жизни своей всего раза три влезал на лошадь.

И вот, гордо воссев в седле, он готов был отправиться судьбе навстречу.

— Вперед, Порох, — сказал школьный учитель. Порох глянул на него нехорошим взглядом и еле-еле поплелся по дороге.

Порох был старой, заезженной рабочей клячей. Шея у Пороха была, как у козла, а морда, как топор. Хвост у Пороха был весь в колючках, и он был слеп на один глаз. Но как ни был он стар и заезжен, ему удалось сохранить свой склочный нрав.

— Вперед, мой благородный скакун, — сказал Икабод, стараясь лестью его ободрить.

Эти двое удивительно как подходили друг другу. Ноги Икабода торчали над седлом, локти были

расставлены, как у кузнечика, кнут он держал прямо, как копье. Да, честно говоря, всадник и конь представляли собой довольно-таки редкостное зрелище.

Был прелестный осенний вечер. Морозец чуть тронул деревья, листья сияли золотом, багрецом и цедрой. Дикие утки спешили по небу, держа путь на юг. Белки скакали по веткам, суетливо запасаясь орешками себе на зиму. Мысли Икабода по обыкновению обратились к еде. «Какой нынче урожай яблок, — думал он. То-то будет славный сидр. А эти тыквы пойдут в отличнейшие пироги».

Проезжая мимо пчелиных ульев, он уже воображал дымящиеся пышки и нежную ручку Катарины, их поливающую свежим медом. До фермы Ван Тассела путь был не близкий в самый отдаленный конец Сонной Лощины. Икабод любовался сонными водами Гудзона, отражавшими туманные горы. Когда он добрался до фермы, солнце на западе уже садилось, бросая в небо розовые, лиловые и желтые отсветы.

— О, сколько народу! — сказал Икабод хозяину дома. Здесь собралась сегодня вся округа!

— Вот именно! — отвечал довольный Ван Тассел. Тем лучше! Будет весело. Уж мы сегодня

потанцуем!

Икабод огляделся. Кругом были фермеры с обветренными лицами, в домодельных сюртуках. Жены их все были в жутких платьях, устаревших с незапамятных времен. Девицы себя украсили бантами и шляпками, прикупленными в городе для такого случая. А парни все позавязывали волосы хвостом по самой наипоследней моде.

— А вот и Бром Бонс! — крикнул кто-то.

Все стали озираться и увидели, как он скачет во весь опор на своем знаменитом Дьяволе. Дьявол был как будто вовсе необъезженный конь, он был такого бешеного нрава, что однажды чуть не сбросил с себя могучего седока. Но такой-то был и нужен Брому Бонсу.

Икабод едва взглянул на входившего соперника. Он углядел кое-что, занимавшее его куда больше. Притом я вовсе не намекаю, будто вниманием его завладели все собравшиеся красотки сразу. Нет, Икабод смотрел на еду! На блюдах сияли пироги, какие умеют печь только голландские хозяйки. С яблоками, с мясом, да мало ли с чем еще!

— Угощайтесь, господин учитель, — говорила хозяйка дома, мать Катарины, щедро накладывая снедь ему на тарелку.

— Право же, я не знаю, с чего начать, — говорил ей Икабод, хоть, честно говоря, начало им уже было положено. — Все выглядит так соблазнительно. То ли яблочного пирога отведать, то ли персикового, то ли тыквенного?

Он решил, что разумней будет взять от всего понемножку. Он навалил себе на тарелку телятины, бекона, цыплят, рыбы, груды консервированных слив, груш и персиков. Не было блюда на столе, которого бы Икабод не попробовал.

— Объедение, — приговаривал он, отправляя в рот новый кусок.

Он блаженствовал. Жуя, он закатывал глаза и стонал от восторга.

«Когда-нибудь, — думал он, всё это будет моё. Уж я утру нос этому Хансу Ван Рипперу и вообще всем жалким фермерам. Я буду хозяином этого дома. И тогда — прости прощай, школа!»

— Доедайте! — сказал старый Балтус Ван Тассел. — Пора танцевать!

Седой скрипач играл уже пятьдесят лет на здешних похоронах, праздниках и свадьбах. Он водил смычком по заслуженной своей скрипке, кивая головой в такт музыке. И топал ногой всякий раз, когда в круг вступала новая пара.

— Могу ли я пригласить вас на танец? — спро-

сил Икабод у прекрасной Катарины. И, затаив дыхание, ждал ответа.

— Почему бы нет, — отвечала она.

Сердце Икабода подпрыгнуло от восторга. Ибо надо вам сказать, что танцевальным своим искусством Икабод гордился ничуть не менее, чем своим певческим талантом. При танце руки-ноги у него дрожали, он крутил головой и бедрами в лад музыке, словом, весь он был как на шарнирах. И носился по комнате, как в буйном припадке.

Какое счастье танцевать с возлюбленной! Он выкатывал глаза, он смотрел на нее не отрываясь, а она в ответ улыбалась и подмигивала. И все это время Бром Бонс сидел в дальнем углу, один-одинешенек. Он морщился, он хмурил брови. Чем быстрее кружились в вихре танца учитель с Катариной, тем больше омрачался Бром Бонс.

6

Но вот танцы кончились, и учитель подсел к Балтусу Ван Тасселу и другим господам постарше, которые беседовали на крыльце о революционной войне, которая тогда еще не так давно прогремела.

Неподалеку от Сонной Лощины американцы бились с англичанами. И у каждого из присутствующих была на сей счет своя любимая история.

— Я чуть было в плен не взял целый корабль английский, говорил один старый голландец. И взял бы, если б не осечка.

— А я мечом мушкетную пулю отразил, — сказал другой. И, когда слушатели расхохотались, предложил в доказательство им показать вмятину на том мече.

Когда каждый успел поведать, каким он был на войне героем, разговор перешел на призраков. Ибо призраки обитали неподалеку от Сонной Лощины. И всем было известно, какие странные и страшные вещи они умели выкидывать.

— А вы видали женщину в белом? — спросил один старик. Она является в Лощине близ Во-

роньего Утеса. И можно услышать её крик зимней ночью, когда вдруг повалит снег. Давным-давно её насмерть завалило снежной бурей.

— Что-то Всадник без головы опять повадился скакать вокруг да около, — сказал другой, посасывая трубку. Своими глазами его видел.

— Я тоже, — подхватил третий. — Он скакал мимо старой церкви на холме. Говорят, он там привязывает на ночь коня — на церковном дворе между могилами.

— А вы слыхали, — поддержал разговор Ван Тассел, что случилось со старым Брувером?

Друзья отрицательно затрясли головами.

— Вот уж кто не верил в духов и всякое такое. Но вот однажды ночью скакал он по дороге мимо места, где деревья растут так густо, что даже и днем темно. И погнался за ним Всадник без головы и гнал его по холмам и долам, покуда не достигли они мостка через речку. И тут Всадник обратился скелетом и полетел над деревьями. И гром загремел. Старый Брувер со страха свалился в речку. Да, вот это урок тому, кто не верит.

Друзья закивали головами.

— Да видел я этого вашего дурацкого Всадника без головы, видел однажды, — раздался голос.

Все оглянулись. Это говорил Бром Бонс.

— Скачу я как-то ночью домой и вдруг вижу — он, — продолжал Бром. Я и предложил ему скакать взапуски, мол, пари держу, что тебя обгоню. И обогнал бы. Мой Дьявол хоть какого коня обгонит — живого ли, мертвого ли. Да только как доскакали мы до мостка, всадник пришпорил своего скакуна — и исчез, только я его и видел!

Истории эти впечатлили Икабода. И он внес в разговор свою лепту, поведав о том, что сам он видывал, бродя среди ночи по Сонной Лощине.

Но вот пришло время расставаться. Фермеры созывали жен и потомство, дабы отправиться восвояси. И скоро слышно стало, как грохочут во тьме их телеги. Иные девушки удалились со своими дружками. Их смех звучал все тише, тише, покуда совсем не растаял вдали.

В доме было тихо. Икабод уходил последним. Он задержался, дабы переговорить с Катариной, будучи уверен, что покорил её сердце. Мы никогда не узнаем, что она отвечала ему. Но уж верно неприятное что-то, ибо он выходил из дома мрачнее тучи. Не играла ли с ним все время коварная Катарина? Не использовала ли его для того, чтобы вызвать ревность Брома Бонса? Одному только Богу известно. Так или иначе, ответ её был большими буквами написан на унылом

челе Икабода. Он грустно побрел к коновязи, где мирно спал его Порох.

Была глубокая ночь, излюбленный час духов и привидений, когда Икабод начал свой печальный путь к дому. Край, на пути к Катарине глядевший так весело, теперь тонул в угрюмом мраке. И такая была тишина, что учитель слышал лай сторожевого пса на том берегу реки. И все истории о призраках и домовых, каких он сегодня наслушался, конечно, ему припомнились.

— Бог ты мой, ну и темень, — говорил он сам с собой.

Но вот надвинулись тучи и закрыли звезды, и стало еще темнее. Он приближался к самому мрачному, самому темному месту во всей Сонной Лощине. Здесь, на большом вязе у дороги, когда-то повесили человека. И, говорили, здесь часто бродил его призрак. Совсем приблизясь, Икабод свистнул. И кто-то свистнул ему в ответ! Но это просто ветер свистел в ветвях. На секунду мелькнуло что-то белое среди вязов. Но это был всего лишь прогал в купе, там, где вяз разбила молния.

И вдруг он услышал стон. От страха у него не попадал зуб на зуб. Но это всего лишь две ветки терлись одна о другую. И учитель миновал то место. И ничего не случилось. Но впереди

оставалась дорога еще более темная, еще более страшная. Ему надо было преодолеть мосток через речку, где, все говорили, водились призраки. Мало кто решался ступать на этот мосток после наступления темноты. Икабод приблизился к мостку, и сердце у него ушло в пятки. У самого мостка конь внезапно остановился и не хотел двигаться с места.

— Ну давай же, Порох, — говорил учитель. — Смелее.

Он слегка пнул Пороха в ребра, чтобы приободрить. Но Порох был не из тех, кто исполняет волю седока. Сперва он ткнулся в живую изгородь. Потом вломился в куст ежевики на другой стороне дороги. Икабод чуть кубарем не свалился через его голову. Едва снова уселся в седле поудобней, учитель услышал какой-то хлюпающий звук — словно кто-то передвигался по болоту. Учитель вгляделся во тьму. И в глубокой тени рощи увидел что-то черное, громадное, грозное. Точно он не смог разглядеть, но был уверен — гигантское чудище готовится напасть на него!

7

У Икабода волосы встали дыбом. Поворачивать и спасаться бегством было поздно. Да и вряд ли бы ему удалось ускользнуть от привидения или призрака, если это и впрямь был он, они ведь способны носиться как ветер. Что делать?

— К-кто вы? — еле выговорил он.

Существо не отвечало.

К-К-кто там? — еще более взволнованным голосом повторил Икабод.

Никакого ответа. Икабод пытался стронуть с места упрямого Пороха. Потом он зажмурился и с пламенной верою затянул свой псалом. Громкий шум заставил его оглянуться. Черная тень, вызвавшая в нем тревогу и ужас, вскарабкалась по откосу, прыгнула и в один миг очутилась на середине дороги. Даже в такой темноте Икабод увидел, что это всадник, могучий всадник на огромном черном коне. Он не проявлял ни враждебности, ни общительности он держался поодаль, чуть-чуть продвигаясь вперед по дороге, однако последовал за учителем, когда тот сдвинулся с места.

— Н-но, Порох, — сказал Икабод. — Давай-давай!

И поспешил вперед, надеясь оставить позади страшного всадника. Но тот тоже ускорил ход. Тогда Икабод решил замедлить шаг, чтобы тот, другой, его обогнал. Но незнакомец тоже удержал своего коня. Икабод почувствовал, что сердце его сжимается и проваливается в бездну. Он хотел снова запеть свой гимн, но во рту у него так пересохло, что он не мог выдавить из себя ни единого звука. Особенно угнетало его молчание незнакомца. Тот упорно молчал и скакал рядом, загадочный и страшный. Вскоре страшные предчувствия Икабода оправдались.

Оба миновали небольшой холм. И вот, видя своего спутника на фоне неба, Икабод с ужасом обнаружил, что у того нет головы! И — мало этого голову, которой место было у него на плечах, он держал на сгибе локтя!

Тут уж страх Икабода сменился отчаянием и он стал пинать Пороха без всякой жалости. И Порох поскакал по дороге, откуда прыть взялась! Но призрак тоже погнал коня во весь дух. Оба летели, как ветер, только искры взметывались и камни с грохотом вырывались из-под копыт! Икабод думал только о том, как бы ему спастись,

и не обращал внимания на то, куда они скачут. И вдруг обнаружил, что Порох избрал дорогу, ведущую к тому мостку, о котором ходило столько страшных рассказов. Именно там, под холмом подле уединенного кладбища, возле белой церкви и появлялся Всадник без головы!

Порох мчался из последних сил, сам не свой, и наконец им удалось обогнать рокового преследователя. Но тут как назло у Икабода ослабла подпруга. Он вцепился в седло руками, но оно выскользнуло и свалилось. Икабод ухватился за шею Пороха, чтобы спастись от неминуемой гибели, и слышал, как несущийся за ним призрачный конь тотчас втоптал седло в пыль.

— О нет! Ханс Ван Риппер придет в ярость, обнаружив, что я потерял совсем новое седло! — задохнулся от гнева Икабод.

Однако он скоро понял, что это еще не самая страшная забота. Во-первых, надо было во что-бы то ни стало удержаться на спине у Пороха. Икабод сползал то на одну сторону, то на другую. Или вдруг с такой яростью подскакивал на спине коня, что боялся, уж не сломал ли он её надвое. Что-то будет, что будет? Он видел, как звезды мерцают в ручье. Он видел на холме церковь. И он видел мост. Тот самый мост, за которым всегда

скрывался Всадник без головы!

«Только бы добраться до моста! — думал Икабод — И тогда я спасен!»

И тотчас прямо у себя за спиной он различил дыхание черного скакуна. Ему показалось, что он ощущал на затылке у себя его жар.

— Вперед, Порох, вперед! — крикнул он и пнул коня в тощую спину.

Старый Порох взбежал на мост. Копыта загремели по доскам. Вот он достиг другого конца, и тут Искабод оглянулся, чтобы удостовериться, что призрак исчез, растворился, как ему полагалось.

И увидел, что дух привстал в стеменах, размахнулся и — запустил в него своей головой. Икабод хотел уклониться. Но поздно! Голова со старшным треском ударила его прямо в затылок.

Икабод свалился в дорожную пыль. Порох, черный скакун, призрак, — все пронеслось мимо него словно вихрь.

Утром Порох был обнаружен без седла. Он стоял с запутавшимися между ног поводьями и мирно жевал траву у ворот своего хозяина. Учитель не вышел к завтраку. Пришло время обеда. Он не появился. Дети пришли в школу учителя Икабода не было.

— И что это стряслось с Икабодом Крейном? —

недоумевал Ханс Ван Риппер — И где мое седло?

Соседи ему помогли искать.

Седло старого фермера, втоптанное в грязь, обнаружилось в пыли на дороге, что ведет к церкви. Пошли по следу лошадиных копыт и пришли к мостку возле церкви. На берегу ручья, в том месте, где русло его становится шире, а вода глубже и чернее, лежала шляпа несчастного учителя. Рядом валялась разбитая тыква. Обыскали ручей, но тела там не нашли. От Икабода осталось мало пожитков. Старая одежка, ржавая бритва и несколько книг. В одну книжку о предсказаниях и колдовстве были вложены листки бумаги, на которых были набросаны стихи Икабода к прекрасной Катарине. Ханс Ван Риппер эти листки сжег, да и книги заодно.

— Больше никогда не пошлю детей в школу, — побожился он. Проку мало от учености этой.

В воскресенье в церкви только и разговору было, что про Икабода и его таинственное исчезновение. Потом все отправились к ручью, к тому месту, где обнаружились шляпа Икабода и тыква. Припомнили страшные рассказы. И глубокомысленно пришли к выводу, что Всадник без головы унес с собой Икабода. Посудачили и забыли. Перенесли школу в другое место и наня-

ли нового учителя.

Минули годы, и вот один старый фермер, побывавший после этих событий в Нью-Йорке, сообщил, что Икабод Крейн еще жив. Он покинул эти места отчасти из-за страха перед призраком, отчасти из-за Ханса Ван Риппера и отчасти из-за нанесенной ему обиды: Катарина Ван Тассел, богатая наследница, все-таки отказала ему. Икабод перебрался в отдаленный край страны и там учил детей в школе. А еще он изучал право, и стал юристом, и писал статьи в газетах, и даже был избран мировым судьей.

Но Бром Бонс, который вскоре после исчезновения своего незадачливого соперника женился на прекрасной Катарине, кажется, знал про эту историю что-то свое. Всякий раз, когда кто-нибудь поминал ту тыкву, он разражался нехорошим смехом. Но деревенские кумушки уж те-то знали. Они уверены были, что Икабода унес призрак. И часто толковали об этом, сойдясь у очага зимними вечерами.

Мосток еще больше, чем прежде, внушает местным жителям суеверные страхи, и по этой причине дорога через овраг оказалась заброшенной, люди теперь ездят в церковь мимо мельничного пруда.

— А еще, — говорили кумушки, призрак злосчастного учителя частенько наведывается в покинутую школу. И гуляющий там летним вечером мальчик нет-нет да и услышит дальний голос, поющий тоскливые гимны, и звук этот печально разносится над Сонной Лощиной.